

Прево Антуан Франсуа

**История Манон Леско и кавалера
де-Грие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А72

А72 **Антуан Франсуа П.**
История Манон Леско и кавалера де-Грие / Прево Антуан Франсуа – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 225 с.

ISBN 978-5-519-79431-2

ISBN 978-5-519-79431-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

значенія: скорѣе оно продолжаетъ расти. У насъ этотъ романъ совершенно не извѣстенъ большинству публики; правда, лѣтъ сорокъ назадъ, появился переводъ, подъ заглавіемъ Машенька Леско, въ одномъ недовольно распространенномъ изданіи, но онъ прошелъ почти незамѣченнымъ. Притомъ, мы полагали, что произведеніе столь замѣчательное требуетъ перевода болѣе тщательнаго и осмотрительнаго.

Въ чемъ же достоинства этого романа и въ чемъ его право на безсмертіе? Разсказъ ведется отъ имени кавалера де-Гріе, и между писавшими о романѣ нѣтъ, кажется, ни одного кто замѣтилъ бы, что при чтеніи невольно думается, что передъ вами настоящія признанія самого кавалера, нѣтъ ни момента, ни слова, когда можно бы усомниться въ ихъ подлинности. Такое же впечатлѣніе романъ производитъ на всѣхъ непредупрежденныхъ читателей. Уже такая выдержанность разсказа сильно говоритъ въ пользу Манонъ Леско. Вѣдь это значитъ, что авторъ до того вошелъ въ душу своего юнаго героя, до того слился съ нимъ, что передъ вами встаетъ вполне живой и цѣльный его образъ. Разсказъ проникнутъ такой страстью, что кажется будто весь опъ вылился сразу, написанъ за одинъ присѣсть.

«Исторія Манонъ Леско», повѣсть о роковой страсти, или, какъ говорится у насъ въ народѣ, о каторжной любви, породила множество подражаній; на ту же тему

написано не мало повѣстей и романовъ, между которыми есть произведенія, далеко недюжинныя (напр. «Дама съ камеліями» А. Дюма сына, «Сафо» А. Доде и пр.). Къ своей выгодѣ, «Манонъ Леско» отличается отъ нихъ полной искренностью и правдивостью. Новѣйшій сантиментальный реализмъ старается придать любовной страсти вовсе ей, какъ и вообще страстямъ, несвойственный характеръ чувства, облагораживающаго и нравственно возвышающаго людей, ея одержимыхъ; онъ усиливается оправдать ею всяческіе проступки дѣйствующихъ лицъ, онъ черезчуръ отзывается преднамѣренностію, и потому не свободенъ въ изображеніи; въ погонѣ за доказательствами того, или иного тезиса, онъ путается и фальшивить, невольно кривя въ ту или иную сторону, причемъ нерѣдко впадаетъ въ новую ошибку, думая усилить доказательность доводовъ черезчуръ реальными подробностями. У аббата Прево не было такихъ заботъ; онъ вовсе не старается оправдать своего героя, онъ заставляетъ его откровенно сознаваться, какъ, подъ вліяніемъ страсти, даже лучшія его качества сослужили ему усердную и порою позорную службу; оттого его страсть — настоящая, мучительная, а не придуманная *ad hoc*, ради доказательства даннаго положенія; оттого обрисовка душевныхъ движеній богата у него правдивыми и смѣлыми обнаженіями человѣческаго сердца. Его героиня равно не пріукрашена; она обладаетъ чарую-

щими прелестями красоты, живымъ и шаловливымъ умомъ, откровенностью и искренностью, но въ ней нѣтъ понятія о нравственномъ долгѣ; она страстна, и въ порывѣ увлеченія совершаетъ поступки далеко не похвальные, только бы поставить на своемъ, только бы себя потѣшить. Нужны жестокія страданія и тяжкія испытанія, чтобъ она обновилась нравственно и съ тѣмъ вмѣстѣ возбудила въ насъ состраданіе. Въ этомъ аббатъ Прево выказалъ удивительную нравственную мѣрность.

Кавалеръ де-Гріе просто рассказываетъ свою исторію; онъ не прибѣгаетъ къ обширнымъ описаніямъ, онъ не вдается въ дробныя характеристики, и между тѣмъ всѣ лица, до принимающихъ самое незначительное участіе въ дѣйствіи, рисуются передъ нами живо и отчетливо. Столь же наглядно, хотя и мимоходомъ, изображаются и нравы, и даже самый складъ до-революціоннаго французскаго общества.

Въ произведеніяхъ, подобныхъ «Манонъ Леско», не малое значеніе имѣетъ языкъ, которымъ они написаны. Вотъ его особенности: несомнѣнно, что то языкъ тогдашняго образованнаго общества; онъ равно богатъ какъ книжными и фигурными оборотами, такъ и живыми обиходными реченіями; на немъ, сверхъ того, чувствуется отблескъ приподнятаго тона и величавости французской трагедіи; эти люди любили звучную и закругленную фразу и даже въ минуты душевной

взволнованности на нихъ производилъ впечатлѣніе красивый и удачный оборотъ рѣчи. И все это включено въ форму простого и задушевнаго разсказа, который, какъ всякая разговорная рѣчь, допускаетъ грамматическія неточности и неправильности. Упомянувъ о языкѣ «Манонъ Леско», я имѣю въ виду указать на трудности, съ коими мнѣ приходилось бороться при переводѣ; насколько мнѣ удалось сладить съ ними—судить не мнѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА ,ЗАПИСОКЪ ЗНАТНАГО ЧЕЛОВѢКА'.

Хотя я и могъ бы вставить въ свои Записки приключенія кавалера де-Гріе, но мнѣ подумалось, что въ виду того, что они ничѣмъ съ ними необходимо не связаны, читателю будетъ пріятнѣе увидѣть ихъ въ отдѣльномъ изданіи. Такой длинный рассказъ слишкомъ на долго прервалъ бы нить моей собственной исторіи. Хотя я и далекъ отъ мысли претендовать на званіе писателя по всѣмъ правиламъ, я все же знаю, что изъ разсказа должны быть устранены всѣ обстоятельства, содѣлывающія его тяжелымъ и запутаннымъ; таково правило Горация:

Ut jam nunc dicat jam nunc debentia dici,
Pleraque differat, ac praesens in tempus omittat.

Впрочемъ. не требуется столь высокаго авторитета для доказательства такой простой истины; ибо первоисточникъ этого правила—въ здоровомъ смыслѣ.

Если публика нашла нѣчто пріятное и интересное въ исторіи моей жизни, то я смѣю обѣщать ей, что она останется не менѣе довольна и этимъ прибавленіемъ къ ней. Она увидитъ въ поведеніи г. де-Гріе ужасный примѣръ силы страстей. Я хочу нарисовать

молодого слѣпца, который отказывается отъ возможности быть счастливымъ и добровольно бросается въ самыя крайнія бѣдствія; онъ, обладая всѣми качествами, способными придать ему самыя блестящія достоинства, произвольно предпочелъ жизнь въ неизвѣстности и бродяжническую всѣмъ преимуществамъ, даруемымъ фортуной и природой; онъ предвидитъ свои несчастія и не желаетъ избѣжать ихъ; онъ ихъ чувствуетъ, онъ удрученъ ими и не пользуется безпрерывно предлагаемыми ему средствами, которыя способны во всякое время прекратить ихъ; наконецъ, характеръ двойственный, смѣсь добродѣтелей и пороковъ, непрерывный контрастъ добрыхъ понятій и дурныхъ дѣлъ. Таковъ фонъ картины, которую я рисую. Благomyслящіе люди не сочтутъ такого рода сочиненія бесполезной работой. Сверхъ удовольствія пріятнаго чтенія, въ немъ они найдутъ описаніе событій, могущихъ послужить нравственному воспитанію; а забавляя поучать, по моему, значитъ оказывать значительную услугу публикѣ.

Нельзя размышлять о нравственныхъ правилахъ, не удивляясь, что одновременно ихъ и уважаютъ, и пренебрегаютъ ими; и спрашиваешь себя о причинѣ такой странности человѣческаго сердца, которое, цѣня идеи добра и совершенствованія, въ то же время на практикѣ удаляется отъ нихъ. Еслибъ лица извѣстнаго образа мыслей и воспитанія пожелали рассмотреть что составляетъ предметъ ихъ самыхъ обыкновенныхъ бесѣдъ, и даже ихъ уединенныхъ мечтаній, то имъ было бы легко замѣтить, что они вертятся почти всегда на какихъ нибудь нравственныхъ соображеніяхъ. Сладчайшія мгновенія ихъ жизни суть

именно тѣ, когда они наединѣ или съ другомъ откровенно бесѣдуютъ о прелестяхъ добродѣтели, о сладости дружбы, объ удаляющихъ насъ отъ нихъ слабостяхъ нашей природы и о средствахъ къ ихъ исцѣленію. Гораций и Буало указываютъ на такую бесѣду, какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ чертъ, составляющихъ принадлежность счастливой жизни. Какимъ же образомъ случается, что такъ легко можно пасть съ высоты подобныхъ умозрѣній и очутиться на уровнѣ людской поплости? Или я ошибаюсь, или причина, которую я привожу, объясняетъ это противорѣчіе между нашими понятіями и нашимъ поведеніемъ; именно, всѣ нравственныя предписанія суть только туманные и общіе принципы, а потому ихъ трудно прилагать въ отдѣльности къ даннымъ нравамъ и дѣйствіямъ.

Представимъ тому примѣръ. Благорожденные души чувствуютъ, что кротость и человѣчность суть добродѣтели, достойныя любви, и имѣютъ склонность имъ слѣдовать; но когда приходится дѣйствовать, то онѣ часто остаются въ нерѣшительности. Дѣйствительно ли такъ слѣдуетъ поступить? и хорошо ли извѣстно, въ какой именно мѣрѣ? и нѣтъ ли ошибки на счетъ предмета? Сотни затрудненій ихъ останавливаютъ; боятся быть обманутымъ, желая быть благотворительнымъ и щедрымъ; прослыть за слабого, являясь черезчуръ нѣжнымъ и чувствительнымъ; словомъ, преступить границы или не выполнить обязанностей, которыя обозначены слишкомъ темно въ общихъ указаніяхъ относительно человѣчности и кротости. Въ такой нерѣшительности только опытъ или примѣръ могутъ разумно руководить сердечной склонностью. Но опытъ не всякому дано свободно пріобрѣсти; онъ

зависить отъ различныхъ положеній, въ которыя ставитъ насъ фортуна. Такимъ образомъ, для множества лицъ только примѣръ можетъ служить правиломъ.

Именно для такого-то рода читателей и могутъ быть чрезвычайно полезны сочиненія, подобныя настоящему, по крайней мѣрѣ, когда они написаны человекомъ честнымъ и здравомыслящимъ. Всякій фактъ, въ немъ рассказанный, что нибудь да освѣщаетъ, или представляетъ правоученіе, замѣняющее опытъ; всякое приключеніе есть примѣръ, по которому можно образовывать себя; стоитъ только приложить его къ обстоятельствамъ, въ коихъ находишься. Все сочиненіе представляетъ трактатъ о морали, пріятно изложенный въ видѣ упражненія.

Суровый читатель, быть можетъ, оскорбится, видя, что я въ мои лѣта берусь за перо ради описанія приключеній фортуны и любви; но если сейчасъ сдѣланное мною разсужденіе основательно, то оно меня оправдываетъ; если оно ложно, то пусть ошибка послужитъ мнѣ извиненіемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Я принужденъ попросить читателя вернуться къ тому времени моей жизни, когда я въ первый разъ встрѣтилъ кавалера де-Гріе; то было почти за полгода до моего отъѣзда въ Испанію. Хотя я рѣдко разставался съ моимъ уединеніемъ, но заботливость о дочери порою заставляла меня предпринимать небольшія поѣздки, которыя я сокращалъ по мѣрѣ возможности.

Однажды я возвращался изъ Руана, гдѣ она просила меня хлопотать въ Нормандскомъ парламентѣ по дѣлу о наслѣдствѣ нѣкоторыхъ имѣній: я передалъ ей иски на нихъ моего дѣда со стороны матери. Отправившись черезъ Эвре, гдѣ я ночевалъ въ первый день, я на слѣдующее утро прибылъ къ обѣду въ Пасси, которое отъ него въ пяти или шести мѣ разстоянія. При въѣздѣ въ это мѣстечко, я былъ удивленъ, увидѣвъ, что всѣ жители въ тревогѣ; они спѣшно выскакивали изъ домовъ и толпой бѣжали къ воротамъ плохой гостинницы, передъ которой стояло два крытыхъ фургона. Лошади еще не были отпряжены и,

повидимому, были истомлены отъ усталости и зноя, — знакъ, что оба фургона только что прїѣхали.

Я остановился на минутку, чтобъ узнать о причинѣ суматохи; но я немногаго добился отъ любопытной толпы, не обращавшей на меня никакого вниманія и попрежнему спѣшившей къ гостинницѣ и толкавшейся въ большомъ смятеніи. Наконецъ, у воротъ показался стрѣлокъ съ перевязью и мушкетомъ на плечѣ, и я кивнулъ, чтобы онъ подошелъ ко мнѣ. Я спросилъ его о причинѣ беспорядка.

— Пустяки, сударь, отвѣчалъ онъ, — я съ товарищами провожаю до Гавръ-де-Граса съ дюжину веселыхъ дѣвчонокъ, а оттуда мы на кораблѣ отправимъ ихъ въ Америку. Между ними есть хорошенькія, и это-то, повидимому, и возбуждаетъ любопытство этихъ добрыхъ людей.

Я, вѣроятно, послѣ этого объясненія отправился бы дальше, еслибъ меня не остановили восклицанія вышедшей изъ гостинницы старухи; она ломала руки и кричала, что это варварство, что это возбуждаетъ и ужасъ, и жалость.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я ее.

— Ахъ, сударь! отвѣчала она, — войдите и посмотрите: развѣ отъ этого не разрывается сердце?

Любопытство заставило меня слѣзть съ лошади, которую я оставилъ на попеченіи моего конюха. Я съ трудомъ протолкался сквозь толпу, и дѣйствительно увидѣлъ нѣчто трогательное.

Между двѣнадцатю дѣвушками, которыя были скованы другъ съ другомъ за середину тѣла, была одна, лицо и видъ которой столь мало соотвѣтствовали ея положенію, что во всякомъ другомъ мѣстѣ я